

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ – 5

(В русском жанре – 65)

Юра Селезнёв дружил с Еленой Образцовой. Глядя сейчас по «Культуре» фильм к её 80-летию, вспомнил вдруг, как он рассказывал, что Елена Васильевна жаловалась, что её вынуждают на бесконечные зарубежные гастроли. Едва с одних она вернётся, как в Шереметьево уже встречают минкультовские чиновники: «Через час самолёт в Токио».

Неужели валютные гонорары наших звезд были столь значимы для бюджета страны?

””

Тема «Бунин и Алексей Н. Толстой» щедро освещена в мемуарах и исследованиях, наиболее полно в книге Елены Толстой «Дёготь или мёд». Я полагаю, что Бунин при всей своей пристрастности оставил лучшее из того, что написано о его младшем товарище – очерк «Третий Толстой». Меньше обращалось внимания на то, что тот написал об Иване Алексеевиче.

«17 июня 1941 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина, из неоккупированной Франции. Он пишет, что положение его ужасно, он голодает и просит помощи.

Неделей позже писатель Телешов также получил от него открытку, где Бунин говорит уже прямо: “Хочу домой”.

Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример – как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму.

Бунину сейчас около семидесяти лет, он еще полон сил, написал новую книгу рассказов. Насколько мне известно, в эмиграции он не занимался активной антисоветской политикой. Он держался особняком, в особенности после того, как получил нобелевскую премию. В 1937 г. я встретил его в Париже, он тогда же говорил, что его искусство здесь никому не нужно, его не читают, его книги расходятся в десятках экземпляров.

Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с важным вопросом, волнующим многих советских писателей, – мог бы я ответить Бунину на его открытку, подав ему надежду на то, что возможно его возвращение на родину?

Если такую надежду подать ему будет нельзя, то не могло бы Советское правительство через наше посольство оказать ему материальную помощь. Книги Бунина не раз переиздавались Гослитиздатом.

С глубоким уважением и с любовью
Алексей Толстой».

Не берусь судить, письмо ли Толстого подействовало, но вскоре после войны Сталин вернулся к мысли о возвращении Бунина и отправил для этого с миссией в Париж своего любимца К. Симонова.

И в прежних печатных отзывах Алексея Николаевича об Иване Алексеевиче, при очевидной их конъюнктурности, всё же шла речь о желательности его возвращения.

«...такие большие писатели, как Бунин и Куприн, почти ничего не пишут <...> Бунин, также насильственно удерживаемый влиянием Мережковского, – всё под впечатлением Одессы 1919 года с её голодом, хаосом, бесконечной сменой правительств. Под этим углом зрения воспринимает он русскую жизнь. <...> Обоих этих писателей следовало бы вырвать их той гнилой, полной ненависти к Советской России атмосферы и возвратить их русской литературе» (беседа с корреспондентом, июнь 1923 г.).

Было, правда, и такое:

«Бунин ходит совсем зелёный от злости. <...> мало пишет, а если пишет, то подражает самому себе» (беседа с корр., ноябрь 1924 г.).

«Я прочёл три последние книги Бунина – два сборника мелких рассказов и роман “Жизнь Арсеньева”. Я был удручен глубоким безнадёжным падением этого мастера. От Бунина осталась только оболочка прежнего мастерства» (беседа с корр., ноябрь 1936).

И лишь в письме Сталину он упоминает их парижскую встречу, описанную и Буниным, и прямо говорит о необходимости мер по возвращению Бунина на Родину.

Но есть у него и пространное, и в общем-то верное, определение центрального нерва прозы Бунина, пусть и в хамски исполненной, но по существу точной мысли:

«Беспощадный и злой Бунин <...> крутившийся как овца на приколе вокруг ужаса смерти, изображал страшную двойственность: очарование природы, великолепие красок и аромата земли и неба, и – царя этой жизни – человека, исковерканного бессмыслицей смерти...» (Статья «Ранний Горький», 1928).

””

Нечаянно обнаружил свой рекорд: в 2002 году 76 публикаций!

Безобразие? Конечно. Правда, там четырежды «Новый мир» и трижды «Знамя», а безумное число вызвано тем, что в том году началась газета «Новые времена в Саратове», где пришлось писать в каждый номер, но всё равно совестно.

””

Где-то в библиотеках должен быть сборник статей Н.Г. Чернышевского, где составителем обозначен С.Г. Боровиков, который о составе этой книги понятия не имеет.

Дружил я в то время с заведующим редакцией критики московского издательства «Современник» Сашей Карелиным. Денежной составляющей нашей дружбы я уже посвятил страницы очерка «Карелка» (в кн. «Заклад». Саратов, изд. «Музыка и быт», 2019), а сейчас припомнилось ещё.

Как-то по телефону он предваряет, чтобы я не удивлялся, когда получу договор на Чернышевского и почтовый аванс тысячи на две.

Что ж, были мы люди свои, Сашка в вечной погоне за деньгами и не имея права издаваться в своём издательстве, обозначил составителем сляпанного им сборника меня, как автора и рецензента «Современника».

Когда пришел аванс, я телефонно предупредил друга, что прежде возврата ему гонорара уплачу партийные взносы, чем его немало огорчил, хотя как член КПСС о той обязательке для коммунистов он конечно знал.

Вскоре, уже в Москве, я подшутил над ним, когда в «Современнике» на вопрос редактора книги Тани Марусяк, каким собранием сочинением Чернышевского я пользовался при составлении, спросил: «Саша, ты не помнишь ли, каким я...» Он побледнел и вечером за столом изображал сцену друзьям.

Ещё эпизод.

Однажды он торжественно заявил, что не хочет больше пить за мой счёт и сам сегодня меня угостит, сейчас мы отправимся на Сушевскую, где в издательстве «Молодая гвардия» его ждут неплохие деньги – аванс за будущую книгу для ЖЗЛ то ли о Сытине, то о Дорошевиче, и остаётся лишь решить куда потом: в Домжур или ЦДЛ.

По такому случаю мой друг даже принарядился в новое широкое клетчатое пальто и широкополую шляпу. Молча мы доехали, молча поднялись к бухгалтерии, у дверей которой я недолго дожидаясь друга, который вышел с опрокинутым, по выражению Достоевского, лицом и с матом на усах.

В бухгалтерии объяснили, что аванс на новый договор, заключенный, как и этот, по дружбе с руководством издательства, пошёл на погашение неотработанных, и не «Молодая гвардия», а он ей немало должен.

Поехали мы тогда в Домжур.

””

В известном нравоучительном письме брату Александру Чехов с презрением отозвался о людях, которых «занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако...»

В 1959 году отец впервые повёз нас с мамой в Коктебель, где мы, то есть в первую очередь она, увидели немало известных лиц, вроде популярной тогда эстрадной певицы Гелены Великановой, жены поэта-песенника Николая Доризо. И однажды случилась видимо повлиявшая на меня мамина неловкость. На набережной навстречу, едва не столкнувшись, пред нами возникли Сергей Герасимов и ослепительная Тамара Макарова в ослепительном белом костюме. И мама моя сплеховала, загляделась, даже споткнулась.

Но больше запомнилась папина реакция. Он прошипел маме выговор, сам за время работы в столице всех уж навидался, ему было на звёздность наплевать, в чем потом я не раз убеждался.

И мне впоследствии бывало досадно, когда тот или другой знакомый обнаруживал падкость на имена, для меня непостижимую.

Вот один из многих примеров.

Приехал в Саратов, в связи с публикацией в нашей «Волге» романа «Роммат», входивший в моду Слава Пьецух, отношения с которым завязал активнейший «волжанин» Володя Потапов. И повёл я их в нечуждый мне ресторан «Волга», где попросил усадить за уединённый столик в эркере малого зала. И в момент застолья на входе вдруг возник Володя Тартер, мой старый приятель.

Как узнал, не ведаю.

За стол мы его пригласили, и он в несвойственном ему высокопарном ключе стал убеждать Пьецуха, как его все любят и читают.

Тартер был из породы книголюбов. Правда, в те годы книголюбам бывали даже саратовские писатели при делёжке подписок на собрания сочинений, но Вовка был истовым собирателем и читателем дефицитных изданий.

Читал он много, но как-то аналогично желанию познакомиться с Пьецухом. Любил поговорить о прочитанном, не особенно утруждаясь проникновением в текст, но демонстрируя с ним знакомство. Слывя знатоком поэзии, однажды яростно выманивал (и выманил) у меня первый сборник Александра Городницкого, но стихов никаких наизусть почти не знал, ограничившись гумилёвским жирафом, без конца повторяя его в пьяном виде. До поры пытался убедить меня в значении книг моднейшего Пикуля, но в ответ на мою похвалу по адресу ещё не вошедшего в славу Шукшина отозвался презрительно, лишь услышав название «Сельские жители». (Много позже слышал от него восхищение «Калиной красной».)

Его всегдашнее стремление всегда «быть в курсе» приводило к казусам. Когда возник шум вокруг «волжской» публикации статьи Лобанова, уверял, что Лобанов *вышел из-под Лакиина*.

””

В детстве, поскольку отец почти не обращал на меня внимания, моим воспитанием занималась мама.

Я уже вспоминал в очерке «Григорий Фёдорович» («Знамя», 2014, №7), как она научила меня плавать. А сейчас о том, как отучала от страхов.

Впервые на похоронах побывал с ней лет в пять. Провожали старого саратовского архитектора Карпова из т.н. Дома ИТР, построенного по его проекту на углу Волжской и Некрасова. Множество народа и цветов и конечно ужасные звуки Шопена. Мама догнала меня уже в Липках, но с тех пор под любым предлогом заводила меня на разные похороны.

Другой преследовавший меня страх был связан с Волгой, где на набережной я очень любил бывать, особенно из-за пароходов с их флажками, спасательными шлюпками и наполовину красными кругами на палубных ограждениях, пляшущими солнечными зайчиками на белых бортах над водой. Но с пароходами же был связан и страх. Я заранее боялся, зная, что перед отправлением пароход даст и один, и другой, и третий пронзительный свисток, вселявший в меня ужас, о чем я конечно ей не говорил, но мама всячески старалась затянуть стояние на верхней палубе пристани, откуда вблизи был виден свисток на рубке, чтобы при звуке показать мне его источник. И страх прошёл.

””

Второй год живу в деревне. Всегда недоумевал: почему мой отец, по происхождению крестьянин и профессиональный литератор, не съездил со мной не на юг, а в любое русское село?

В детстве я лишь однажды побывал в деревне, год, вероятно, 1952-й, потому что именно тогда переехавший в Москву скульптор Александр Кибальников получил вторую Сталинскую премию и решил построить под Саратовом дачу.

Он сам, мой отец в роли консультанта, прихватив меня, отправились на такси в село Усть-Курдюм, еще не ставшее саратовской Рублёвкой. Самое яркое, что помню, это множество кур, бродивших по широкой пыльной улице, даже «Победа» с шашечками вспоминается не так остро.

Дачи Кибальников не построил, а другой раз в деревне я побывал уже самостоятельно, лет в семнадцать.

Да что там село, у нас никогда не было дачи, и впервые четвероклассником попав туда к приятелю, я был ошеломлён числом неведомых мне удовольствий вроде плёвательной войны с лопухом в роли щита или тайного вечернего разжигания костров.

А если вспомнить, что вместо всего этого я, без намёка на слух, получил в десятилетнем (прежде денег на пианино не было) возрасте насильственно-безнадёжное обучение игры на фортепиано, на бунт против которого я решился только в четырнадцать, удивительно ли, что детство было для меня мучительнее даже юности?

И так было в тех семьях, где отцы пробились с социального низа наверх, кто куда смог, и видимо ежеминутно это сознавая, подтверждали приобретённый статус доступными их культуре способами.

Но ничего подобного не было в семьях еврейских, где я имел много друзей-ровесников, и в немногих уцелевших старо-интеллигентских семействах, где мои сверстники были уже внуками. Не скажу, чтобы интеллектуально та среда так уж превосходила интеллигенцию советской формации, но внутри сохраняла такие

драгоценные качества, как независимость, хотя бы и только вкусов, внутрисемейная свобода, непадкость на любую моду, лёгкое отношение к материальным невзгодам.

””

Лишь в деревне, проходя улицей, я впервые услышал, как за спиной стучат по земле яблоки; лишь лёжа под деревьями в заросшем одичавшими яблонями овраге, впервые услышал, как падающие листья задевают ветки.

””

Сельская жизнь приносит мне всё больше открытий.

Ну, конечно, воздух, сад, почти постоянная тишина...

Но что-то ведь еще кроме созерцания и поедания вишен, черешен, слив, абрикосов, яблок, груш, винограда...

Многокилометровые дали в глубоких щелях каменистых оврагов с обвалившимся краями, все в выходах разнообразных нор...

И все-таки отчего я, не жуя сливу, не любуюсь пейзажем, а просто идя сельской улицей, как-то особенно спокойно, как еще никогда в жизни, ощущаю свое наличие в мире?

Я остановился, призадумавшись, огляделся. Да, у нас славный коттеджный поселок, но и спустившись вниз в старинную Багаевку, полную и покосившихся домишек и серых заборов, мне столь же привольно?

И наконец, понимаю: мой взгляд, впервые за семь десятков лет не упирается в высокую стену, как бы образ тупика, и я за час, за два, за день, за месяц и год не увижу ни одного многоэтажного фасада, усыпанного окнами.

””

Ещё в храме обратил внимание на девочку лет десяти с очень необычными глазами не столько восточного, сколько разбойничьего разреза, и спросил у свечницы, к которой девочка мимоходом прильнула:

– Внучка ваша?

Она ответила, глядя девочку:

– Нет, общая.

Когда вышел на улицу, девочка была уже на крыльце соседнего с храмом магазинчика, где курили две молодые продавщицы. Бывши в несколько растроганном настроении, я посоветовал им бросать курение, а девочка вдруг вскинулась и закричала, яростно на меня глядя:

– Они женатые!

Это было так неожиданно и смешно, что я засмеялся, а следом и девушки, которым я сказал:

– Надо же, решила, что я к вам пристаю.

Они ещё пуще смеялись со своими сигаретами, она же закричала ещё яростнее:

– Обе женатые!

(29 сентября 2019 года, у Храма иконы Владимирской Божьей матери, с. Багаевка)

””

Разговор двух женщин средних лет на автобусной остановке в пос. Красный текстильщик 8 октября 2019 года.

– А Димка?
– Димка на швейке был, сейчас перевести на УДО обещают.
– Это как?
– Раньше выпустят, у них молодой парень на пять месяцев раньше вышел.
– А Вовка?
– Завтра лечиться поедом, от алкоголизма. Ты знаешь, я летом уезжала, он и загулял. Ну, летом ничего, а сейчас хватит, сегодня под капельницу лёг, а завтра в город.
Разговаривают без эмоций, ровными голосами. Та, у которой Димка и Вовка, между разговором набирает смартфон.

””

Не надо быть уж чересчур наблюдательным саратовцем, чтобы человеку моего возраста заметить, как мало стало в нашем городе евреев. В детстве евреем был чуть не каждый второй из моих одноклассников и приятелей. Потом лица, по выражению эпохи борьбы с сионизмом, еврейской национальности встречались всё реже, и преимущественно в художественно-театральной среде. А ведь я хорошо помню по разнообразному общению даже еще и в 70-е годы евреев технарей, портных, парикмахеров, ментов, докторов и даже шофёров, как покойный Володя Мерман, пьяница и хулиган.

Мне многого стало не хватать в новом веке.

На днях я ехал автобусом пос. Красный Текстильщик – Саратов и на конечной остановке пытался разговаривать с сухой молодящейся дамой лет пятидесяти, крайне неприветливо со мной обошедшейся. А на остановке в Хмелевском с трудом в автобус влезла нестарая, может быть даже ещё молодая, но крайне грузная, явно очень больная женщина и уселась рядом. Сразу запахло нездоровым потом. И несмотря на лицо инвалида, косящие глаза, заметно бритую на подбородке растительность, она была мила, как бывают милы не скрывающие своего нездоровья, привычно за него виноватые, люди.

Обе женщины были еврейки, что обратило моё внимание: автобус ведь самый что ни на есть сельский. И почему меня так тронуло появление их, совершенно мне не нужных, одной нелюбезной, другой нездоровой?

И вот, не на городской тусовке, не над страницами умной книги, а глядя в автобусное стекло на яблоневые сады за заборами, не умом, а сердцем я понял, что мне не хватает рядом еврея. Не знаменитого по телевизору или по обложке новой книги, а будничного, такого же, как я, скажу, заурядного, и то, что я чувствую в нём кроме общности что-то ещё, добавляет нашим отношениям нечто привлекательное.

Когда я выложил эту заметку в Фейсбуке, то, как и ожидал, понимания не встретил. Добродушная ирония и советы ехать в Израиль, где евреев избыток.

””

Всегда имел склонность к перелистыванию старых журналов, а сейчас благодаря разным хорошим людям всё больше является в Сети их комплектов.

Когда-то начинал с купленной отцом «Нивы», потом овладела страсть к Серебряному веку, потом увлечение прозой двадцатых, а сейчас тянет к тому времени, которого я был современником и участником.

Приохотился и к чтению «Крокодила».

Ну вот:

«По линии грамотности, как говорится, у И. Тобольского всё как будто обстоит благополучно. Но в сборнике его стихов “Моим друзьям” (Саратовское областное издательство) нам посчастливилось познакомиться с произведением “Неряха”. Вот как автор обрушивается на грязнуль:

Вы его сегодня встретите,
Не пускайте сразу в класс,
Вы ему стихи вот эти
Прочитайте двадцать раз.

Что и говорить, серьёзная мера воздействия! Но зачем всё же быть таким жестоким? Хотя неряшливость – и большой порок, но выслушивать из-за этого двадцать раз подряд весьма примитивные строки, на наш взгляд, – чересчур суровое наказание» (А. Михайлов. Журнал «Крокодил» 1950, №2).

Странно, что критик не заметил, или не захотел заметить явного заимствования у Сергея Михалкова: «Ребята, найдите такого Фому / И эти стихи прочитайте ему».

Меня эта критическая реплика привлекла именами и поэта, моего земляка, и его столичного зоила. Про Исаю Тобольского я не раз писал. Критик же Александр Михайлов тогда только начинал и сразу, как во всю дальнейшую творческую работу, предметом его разборов были стихи современных ему советских поэтов.

У осведомлённого читателя может возникнуть вопрос: точно ли это тот критик, что долго делал и сделал-таки большую служебную карьеру, побывав и работником ЦК КПСС, и главным редактором журнала, и секретарём Союза писателей, и даже вице-президентом Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК)? Но в том же «Крокодиле» (1952, №4) в аналогичном жанре Михайлов высмеивает детские стихи ивановца Владимира Жукова, уже расширив подпись на одну букву – Ал. Михайлов.

Приведу два характерных об этом деятеле мнения.

«Ал. Михайлов преподавал в Литературном институте или даже им командовал. И невольно подумалось: какое счастье, что судьба обнесла меня этим учебным заведением! Ну право, неужели же Ал. Михайлов, командуя ныне Московской писательской организацией, действительно думает, что кто-то обливается слезами над его критическими статьями?» (Виктор Конецкий).

«Михайлов как огня боялся всего острого и непривычного. Он так и не смог победить в себе осторожного партфункционера» (Вячеслав Огрызко).

Кстати, это не *А.* а *Ал.*, вызывало обычно какое-то юмористическое отношение. Однажды в Переделкино был свидетелем того, как жена Андрея Вознесенского Зоя Богуславская окликнула замешкавшегося критика: «Ну, ты, Ал, идешь с нами?»

Юмора в отношении этой фигуры добавлял и очевидный контраст его книги о Вознесенском с партийной службой, и весь его наружный прогрессизм вроде шейного платка вместо галстука и синего бархатного пиджака. Там же, в Переделкино, слышал в его адрес пассаж последней подруги Александра Блока советского критика Евгении Книпович. Глядя на проходившего Ала, ехидная Евгения Фёдоровна сказала, что тот напоминает эпизод из романа Алексея Толстого «Петр Первый», где нанюхавшаяся европейщины Санька Бровкина представляет брата: «Презанте мово младшего брата Артамошу».

В 1988 году в ЖЗЛ вышла его книга о Маяковском, о чем я и написал рецензию «В поисках утраченного поэта» («Волга», 1989, №5). Ал. прислал мне обиженное письмо: «Меня поразило ожесточение и неприязнь к автору книги, с которым написан Ваш отзыв».

Особой неприязни к нему я не испытывал по причине малого личного знакомства, а книга 1988 (!) года и впрямь вызвала ожесточение:

«Наиболее ярким документом отступничества либеральной интеллигенции был сборник “Вехи”...»

«Такие писатели как Сологуб старались скомпрометировать все благородные порывы борцов революции...»

«Поэма Владимира Маяковского потрясла все основы буржуазного жизнеустройства».

””

В булгаковских «Записках покойника» (1936) Л. Леонов назван ловким рассказчиком Лесосековым, а В. Катаев преуспевающим беллетристом Фиалковым.

Первый спустя 20 лет сотворил роман «Русский лес», второй спустя 40 лет рассказ «Фиалка». Как сотворили, так и напечатали, а «Записки покойника» ждали своего часа 30 лет.

Я очень не люблю историю советской литературы, но оторваться от неё не могу.

””

Странно, но я хорошо помню, как появилось слово «кайф». Был уже вполне взрослым и грамотным, так что поначалу, услышав новое словечко от приятелей, поправлял их: надо «кейф».

А позже, в год 1974-й, когда впервые оказался за границей, услышал в Дубровнике «дискотека». Старость, однако...

””

Услышал по радио: *моей маленькой, но всё-таки души*, и подумал, что только женщина могла так написать – столько здесь талантливый цинизма, бабской бравады и редкой искренности. Нет, оказывается, автор мужчина солидного возраста с грузинской фамилией и еврейским отчеством, у него несколько хороших песен.

””

Кто только и с чем только не сравнивал лучшее из данных нам зрелищ: облака на небе... Вот и я туда же, не могу удержаться. Глядя вчера в свежее голубое пространство, где неспешно передвигались облака, я с волнением следил за их схождениями и расхождениями, радуясь, когда затейливыми выступами и впадинами они чётко входили друг в друга точно как пазлы.

Облако-пазл, ужасно ведь, а? Насколько нежно звучит *облако*, настолько грубо *пазл*. По-английски *puzzle* означает любую головоломку, но у нас же *пазлом* обозначается именно совпадение очертаний.

””

Впечатлило у Полежаева:

И предалась, как новый гость,
Земле бесчувственной девица...

И сложил для смеху своё:

Как много болит!
И столько обид!
А врач говорит,
Что я инвалид,
И в зеркале вид

Его подтвердит.
А возраст сулит
Могила магнит.

””

В старости понял, что воспоминания и фантазии о жизни были для меня важнее её самой.

2019